

Секция 5

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА И СВОБОДА СМИ

15 мая 2015 г. Аудитория № 249, СПбГУП

Руководители секции:

А. БАССАМ	директор Центра стратегических исследований (Дамаск, Сирия), заведующий кафедрой российских и турецких исследований, профессор Университета Дамаска
М. С. ГУСМАН	первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ
Т. КЕНТ	заместитель главного редактора агентства «Ассошиэйтед Пресс» (США)
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова

ДОКЛАДЫ

С. Р. Абрамов¹

ОБРАЗ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДА

«Национальный интерес» есть не только основополагающее понятие государственной политики, по своему объему превосходящее ряд используемых в политической практике понятий («государственные интересы», «жизненно важные интересы», «интересы отдельных групп и общностей»), но и важный фактор личностной идентификации. Национальные интересы являются способом интеграции потребностей и ценностей личности, общества и государства. Именно они приводят в движение нацию и направляют ее развитие.

Всякий ответственный политический деятель так или иначе руководствуется в своей практике не только личными и корпоративными, но и государственными и национальными интересами, однако, поскольку интересы могут не только совпадать, но и входить в разного рода противоречия (личные могут противоречить государственным и национальным, корпоративные — государственным, и даже государственные могут противоречить национальным²), подлинно выдающимися

¹ Профессор кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Филологическая герменевтика: очерк истории и теории», «История филологической герменевтики и толкование сакрального и поэтического текста»; статей «Казус Филона Александрийского: встреча иудейской и эллинистической традиций», «Язык и смерть», «Вещь в кривом зеркале рекламы», «Искусство во тьме тщеславия», «Христианская идея Логоса как историческое обоснование нашей общности» и др.

² Очевидно, что преследование личных и корпоративных интересов в ущерб государственным или национальным происходит столь часто и повсеместно, что не имеет смысла приводить примеры. А вот примером противоречия государственных и национальных интересов может служить ныне существующее государство Украина. Попытки этого государства сохранить целостность ценой геноцида части населения и добровольной утраты суверена

деятелями история признает лишь тех, кто сумели выстроить правильную иерархию интересов, подчинив личные, корпоративные и государственные интересы национальным. Правильное осознание национальных интересов позволяет государству и обществу реализовать функции выживания в меняющемся мире, обеспечить безопасность страны и успех ее развития, гарантировать гражданские права и свободы.

Если личные интересы сугубо индивидуальны, корпоративные имеют групповой характер, государственные едины для больших социальных групп (в идеале — для подавляющего большинства населения страны), то национальные интересы имеют всеобщий характер: именно они отражают единство нации.

Потребности личности в социально-политической сфере, где действуют большие социальные группы (социальные движения, политические партии, лоббистские организации), в большей степени удовлетворяются в рамках этих групп или с их помощью. В социально-политической сфере удовлетворение потребностей приобретает массовый характер. Это означает, что мы имеем здесь дело с реальностями политики, где действуют большие и сверхбольшие группы людей. Если во внутренней политике интересы личности представляют партии и группы давления, то на международной арене как государственные, так и национальные интересы представляют государство.

Национальные интересы России многообразны, но в целом они определены как потребностями выживания, безопасности и развития страны, так и ценно-

нитета (в пользу США и Евросоюза) противоречат национальным интересам. И едва ли это противоречие будет разрешено в пользу государственного интереса.

стями исторического и культурного наследия, а также перспективой дальнейшего процветания. Ганс Моргентау определяет национальные интересы как долговременные, жизненно важные для всей нации выражения общности¹. В таком случае национальные интересы воплощаются в стремлении представителей одной нации к объединению на основе общности культуры, то есть языка, семейных, религиозных, моральных, этических традиций и обычаев, на основе общей политической системы, общей политики. Моргентау также указывает, что национальный интерес отличается от общественного интереса. Национальные интересы обеспечиваются внешней политикой, а общественные — внутренней.

Исходя из сказанного, можно признать, что любое государство в той или иной степени опирается на общенациональный интерес, то есть выражает потребности представляемой социокультурной общности. В конечном счете именно на этом базируется легитимность государственной власти. Однако именно национальное государство — оптимальный инструмент выражения и реализации национальных интересов, поскольку в нем гармонизированы интересы и права личности с корпоративными, общественными, государственными и национальными интересами.

По сути дела, национальные интересы воплощают в себе двуединство гражданского общества и государства, взаимодействие между ними. Нарушение этого взаимодействия, гегемония одного из начал и слабость, подавленность другого наносят ущерб национальным интересам, деформируя их. Так, при деспотической форме правления гражданское общество находится в подавленном состоянии и тоталитарная власть навязывает обществу свое видение национальных интересов, в котором объективно-исторические тенденции и социокультурные потребности данной национальной общности отражаются односторонне и искаженно. В случае же гегемонии гражданского общества и слабости государства общий публичный интерес лишается институциональной опоры и государственно-правовой защиты. Тогда воцаряется «оргия» частных, по большей части корпоративных интересов, каждый из которых претендует на общенациональный статус. Общество возвращается в анархию и хаос.

Важно также понимать, что национальные интересы — объективная данность. Они базируются на своеобразии геополитического положения государства и связанных с ним особенностях экономического и социокультурного развития; при этом они опосредуются особенностями человеческой природы. Поэтому всякий государственный деятель обязан исходить из того, что хорошая политика — это рациональная политика, опирающаяся на правильно понимаемые национальные интересы. К числу основополагающих постоянных национальных интересов относятся среди прочих: защита территории, населения, государственных институтов от внешней опасности; развитие внешней торговли; обеспечение роста инвестиций; защита частного капитала за границей. Очевидно, что реа-

лизация успешной внешней политики, учитывающей эти национальные интересы, затруднена или вовсе невозможна при возникновении неблагоприятного или враждебного образа государства в общественном сознании внешнего мира. Имидж государства по праву должно рассматривать как национальную ценность международного значения, существующую в контексте конкретного пространства и времени. Идеологическая и информационная борьба в современном мире обретает острые формы, и одной из ее целей является создание отрицательного имиджа геополитического конкурента. Как создается и функционирует этот имидж, как воспринимается Россия общественным сознанием Запада? Как истолковываются и оцениваются ее национальные интересы? Каковы методы создания имиджа России в информационном поле западной цивилизации? Чем определяются особенности западного восприятия России? Каковы устойчивые параметры этого образа? И наконец, можем ли мы, не поступаясь национальным достоинством, национальными интересами и безопасностью, способствовать формированию собственного положительного образа? Этот круг вопросов мы и рассмотрим далее.

Образ России в глазах Запада (как и всякий образ вообще) может не обладать портретным сходством с оригиналом или такое сходство может быть весьма отдаленным. В большинстве случаев образ подчиняется собственным закономерностям возникновения, функционирования и развития. Но именно это свойство делает его особенно ценным как для понимания оригинала, так и в более широком культурно-мировоззренческом и практическом смысле. То, как Россия воспринимается в других культурных регионах, в частности на Западе, позволяет взглянуть на нее со стороны, под новым, порой неожиданным углом зрения.

Некоторые имиджевые параметры системы «Россия–Запад» очевидны. Один из устойчивых — восприятие России как «восточной экзотики». Претерпевая историческую эволюцию, Запад в отдельные периоды в большей или меньшей степени склонялся к положительной оценке культурно-исторической сущности России. Однако при всех условиях Россия воспринималась им как нечто отличное от него самого, как особый мир, обладающий чуждыми характеристиками, непонятным образом жизни, иной ментальностью и культурой.

Сто лет назад было сделано наблюдение, которое актуально и сегодня: «Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного культурного человека как экзотическая пища, непривычно для него острая»². Приведенные слова ярко характеризуют одну из устойчивых тенденций западного восприятия России. В них можно усмотреть также указание на то, что на Западе сложился некоторый особый образ, функция которого — преломлять российские реалии.

¹ См.: Межуев Б. В. Концептуализация «национального интереса» в политических дискуссиях // Социальные исследования в России. Берлин; М., 1998.

² Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 9.

Очевидны здесь объективные факторы отчуждения и непонимания, порождающие ряд проблем. В частности, довольно широко распространено убеждение, что Запад органически не способен понять Россию (речь идет о понимании в герменевтическом смысле, то есть в смысле «вживания», «вчувствования», постижения духа). И. Ильин, скажем, видел три основные причины такого непонимания¹. Первая — языковая: русский язык не принадлежит к доминирующим романской или германской группе и к тому же вытеснен из основной части Европы. Вторая — Западу чужда русская православная религиозность: Европа искони шла за Римом — сначала языческим, затем католическим; русскими же воспринята византийская (восточнохристианская) религиозная традиция. Третья причина связана с национальными особенностями мировосприятия и психологии: «Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением и лишь затем волею и умом»².

Следует также отметить, что западный мир вообще склонен обостренно-негативно воспринимать любые проявления активности со стороны других цивилизаций. Любая декларация чужих национальных интересов, не говоря уже об их деятельной защите, привычно воспринимается на Западе как проявление агрессии. Склонность Запада видеть агрессивный замысел там, где, по мнению других участников международного процесса, его нет, необходимо принимать как данность, которой не следует пренебрегать. Историческая ирония при этом состоит в том, что именно Запад ведет себя крайне агрессивно по отношению к внешним силам. А. Тойнби, объективный и тонкий аналитик, саркастически заметил в связи с этим, что если западный человек сумеет «хотя бы на несколько минут покинуть “свою кочку” и посмотреть на столкновение между Западом и остальным миром глазами огромного незападного большинства человечества», то он обнаружит непривычную для него картину: «Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии»³.

В восприятии Западом России важную роль играет система сложившихся «мифов» — стереотипных представлений, тиражируемых средствами массовой коммуникации, массовой и популярной культурой, кинематографом и постоянно воспроизводимых в разных формах массового общественного сознания⁴. Наиболь-

ший интерес представляют коллективные мифы, выражающие некоторые идеализированные представления данной общности людей о ее особенностях, ее месте в мире и об отношении к другим общностям. Миф следует отличать от изолированных культурных стереотипов, которые могут и не сложиться в целостную систему. Так, внутри западного мира существуют определенные «семейные» стереотипы относительно особенностей национального характера: «все англичане высокомерны», «французы жадны», «итальянцы разговорчивы и многодетны» и т. п. Однако во восточную и взаимосвязанную мифологическую систему они не складываются. Этому препятствует как географическая, так и культурная близость народов Запада. Миф предполагает определенную дистанцированность от мифологизируемой реальности. Тем самым само существование мифа свидетельствует о факте известной отчужденности объекта мифологизации по отношению к тем, кто является носителем мифа.

Надо учитывать, что коллективный миф целиком не определяется политикой и не зависит от нее настолько, чтобы непосредственно следовать за колебаниями политической конъюнктуры. Миф обладает относительной независимостью от переменчивости политического климата, поскольку является феноменом многосторонним и многообразным. Его характерной чертой следует считать относительную устойчивость на протяжении весьма длительного исторического времени.

Запад обнаружил, что Россия — это особый мир. Соприкасаясь с российскими реалиями, западный человек, как правило, легко убеждается, что различия между Россией и Западом гораздо значительнее, чем между отдельными странами Западной Европы. Очевидно, что Россия не укладывается в рамки западной цивилизации. Столь же очевидным для людей Запада является факт, что Россия не может быть отнесена и к Востоку, хотя в ряде случаев подчеркивается восточное происхождение черт российской культуры. По меньшей мере с XIX века Россия все больше представляла перед Западом как особая вселенная, во многом загадочная и непонятная, исключительно своеобразная и разнообразная, с особым образом жизни и мысли, культурой и традициями. Со второй половины XIX века на Западе появляются серьезные обобщающие труды, посвященные всестороннему изучению России.

Ядро западного мифа о России составляют, несомненно, представления о ней как стране внутренне-го деспотизма и внешней агрессивности. Американский автор М. Малиа отмечает: «На Западе российская традиция, будь то при царях или при Советах, обычно вызывала чисто павловский рефлекс: “деспотизм” и “шовинизм” дома вели к “экспансионизму” и “империализму” за границей. Столь же рефлексаторным было суждение, что эти характеристики вечны и неизменны»⁵. Надо отметить, что происшедшее в России крушение тоталитаризма и демократические преобразования в общем и целом не привели к ради-

¹ См.: Ильин И. А. Наши задачи. М., 1992. С. 114.

² Там же. С. 115.

³ Тойнби А. Цивилизация перед лицом истории. М., 1995. С. 327.

⁴ Слово «миф» надо понимать не как синоним ложного знания или ошибочного представления, а в широком философском смысле — как совокупность стереотипов сознания, основанных преимущественно на вере и не подверженных осознанной рефлексии при обычном («нормальном») течении жизни. Миф играет важную роль в жизнедеятельности человека, так или иначе определяя (хотя и не целиком) все стороны человеческого бытия (См.: Ша-

повалов В. Ф. Восприятие России на Западе. Мифы и реальность // Общественные науки и современность. 2000. № 1).

⁵ В раздумьях о России. XIX век. М., 1996. С. 417.

кальной перемене западного взгляда на Россию. Тот же автор пишет: «После крушения коммунизма часть представителей западного общественного мнения отказывается уверовать, что московский медведь и в самом деле сменил шкуру, и полагает, что он скоро может вернуться в облики русского “фашизма”»¹. Думается, что эти опасения в немалой степени преувеличены. Однако они лишний раз свидетельствуют об устойчивости и исключительной живучести сложившихся представлений, об их известной независимости от общественно-политических процессов, в действительности протекающих в России, и от того, как видят эти процессы сами россияне.

В. Ф. Шаповалов в своей программной статье выделяет три типа западного мифа о России, а именно: бытовой, литературный и политический.

Бытовой миф рожден в рамках литературы о путешествиях. При кажущейся простоте задачи описания бытовой стороны жизни другого народа — в действительности это исключительно сложный процесс, требующий вживания в обстановку. Поскольку организация быта в России с точки зрения представителей западной цивилизации стоит на весьма низком уровне, то европеец, как правило, не идет на бытовое сближение. Он предпочитает оставаться в искусственно созданных для него условиях и занимает позицию пассивного наблюдателя. Со стороны же многие явления иной бытовой культуры остаются неясными, а объяснение их в рамках привычных европейских норм еще больше искажает действительность.

В основе литературного мифа — отождествление художественного мира русской классической литературы и российской действительности как таковой. Предполагается, что по литературным коллизиям можно судить о жизненных реалиях, что литература тождественна последним. Творцами этого мифа о России чаще всего выступают сами русские. Западная позиция здесь, в известном смысле, пассивна: выбирается лишь понятное и укладывающееся в утвердившуюся ранее доминанту.

Политический миф базируется на представлении России страной политического деспотизма. Устойчивость столь нелестного суждения часто объясняют якобы присущей российскому населению склонностью и даже любовью к несвободе, к рабству. Сознание западного обывателя в абсолютном большинстве случаев категорически отвергает мысль, что Запад сам приложил руку к торжеству крайне непривлекательного и осуждаемого там политического строя. Поэтому

признания, сделанные в свое время А. Тойнби, — редкое исключение из правил: «Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться <...> игу коренной власти в Москве, ценной самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить... Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако <...> русские научились терпеть ее оттого, что, без всякого сомнения, считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями»².

Западный миф о России, взятый в единстве политической, литературной и бытовой составляющих, расщеплен множеством вырванных из контекста деталей российской истории. Вместе с тем нередко люди, разделенные между собой столетиями и наблюдавшие Россию при резко отличавшихся общественно-политических порядках, подмечают в российской жизни одни и те же характеристики. Чаще всего нас упрекают в якобы слепом и неумелом копировании, заимствовании внешних форм. В качестве другого постоянного недостатка нам приписывается неспособность к коллективным действиям. Можно, пожалуй, согласиться с западными критиками России в одном: индивидуализм западного мировосприятия удивительным образом сочетается со сплоченностью при достижении общественно значимых целей, у нас же дело нередко обстоит наоборот: декларации о единстве и «соборности» так и остаются декларациями, в то время как способность к совместным выступлениям и поддержке друг друга крайне низка.

В заключение отмечу следующее. Для реализации национальных интересов России крайне важно формирование ее положительного образа. Добиться, чтобы образ России в глазах Запада стал преимущественно положительным, невозможно только лишь прямым опровержением мнений, представляющихся нам ложными. Тем более нельзя постоянно прибегать к резким «отповедям», выражению негодования, хотя, по видимому, без этого не обойтись. Не следует, с другой стороны, полагать, что положительный образ России в глазах Запада и всего мира сформируется автоматически, «сам по себе». Процесс формирования коллективного культурного мифа сложен и долготен, и устойчивость мифа необычайна. Идеологам и культурной элите России предстоит нелегкий труд по созданию положительного мифа о России на Западе.

¹ В раздумьях о России. XIX век. С. 418.

² Тойнби А. Указ соч. С. 329.